

О САДОВОЙ ВАЗЕ С ГЕРБОМ И «МОСКОВСКИХ ШКОЛЬНИКАХ»

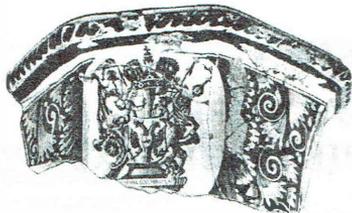
I

В течение многих лет в связи с разработкой реставрационных проектов на территории Санкт-Петербурга и знаменитых пригородных дворцово-парковых ансамблей велись планомерные широкие археологические раскопки.

В столичной резиденции первых русских императоров, в Летнем саду, на глубине всего 40–80 сантиметров, находился своеобразный музей археологических памятников петровской эпохи. В зоне Хозяйственного двора на месте бывшей Каменной оранжереи, построенной в 1713–1716 годах, были сделаны находки, чрезвычайно интересные для историков материальной культуры XVIII века. Среди них черепица, изразцы, глиняные светильники, курительные трубки, фрагменты кухонной и столовой керамики и настенных расписных тарелок, бутылок, штофов, бокалов. Сенсационными были находки скульптур. Впервые при раскопках продукция первых петербургских заводов: стекольного, фаянсового, фарфорового, гончарных, кирпичных, предстала в таком большом количестве. Но среди этого изобилия внимание археологов привлекли фрагменты майоликовых расписных садовых ваз, которые постоянно попадались на всей площади раскопок.

Садовые вазы, или цветники – неперенный атрибут регулярных парков XVIII века. Летом такие вазы с экзотическими деревцами и цветами обычно стояли на открытом воздухе в садах вокруг фонтанов, вдоль аллей, на террасах, на ступенях каскадов, даже на фронтонах и балюстрадах зданий. Зимой их вносили в помещение. В парадных залах петербургских вельмож стены от пола до потолка были заставлены цветниками, что создавало иллюзию прекрасного сада. Такие цветники у нас были известны до того только по гравюрам, рисункам и упоминаниям в документах.

За два сезона в Летнем саду было найдено 550 фрагментов не менее чем от пятидесяти экземпляров. Ни одного сосуда целиком собрать не удалось. Но по тщательно подобранным фрагментам реставраторы Эрмитажа сумели сделать графическую реконструкцию. Все вазы имеют колоколовидную форму с восьмигранным или круглым горлом, вертикальные ручки и довольно высокую ножку. Некоторые имели сквозные отверстия в доньшке для стока воды, свидетельствующие о том, что это были именно вазы для высадки цветов. Высота ваз составляла от 630 до 820 см. Снаружи они были расписаны кобальтовой краской, которая после обжига приобретала голубой, синий и даже почти чёрный цвет. Роспись по белой

Реконструкция
внешнего вида
вазы
начала XVIII в.
из Летнего сада

или голубоватой эмали представляла стилизованный растительный орнамент, геометрические элементы и даже сюжеты аллегорического, мифологического и жанрового содержания.

Но наибольший интерес вызвали фрагменты восьмигранной вазы со сценой сооружения триумфа: среди знамён, штандартов, труб и доспехов три путти водружают щит с российским гербом на увенчанный императорской короной столп. Внизу на постаменте помещена латинская надпись, незначительно утраченная: «...HAEC ARMA MEREMUR», что означает: «Будем достойны этого герба». Живопись этого сюжета по своему качеству условно можно разделить на две части: фигурки путти исполнены со знанием анатомии, переданы динамика их движений и то физическое напряжение, с которым они поднимают тяжёлый герб. Они удачно вписаны в плотный фон из военной атрибутики. Это свидетельствует о подготовленности живописцев, их умении работать с подобными сюжетами. В отличие от этого изображение самого герба кажется неумелым. На одной из голов орла отсутствует корона – живописец явно не рассчитал и не сумел вписать её в оставшееся для неё пространство. У скипетра нарушены пропорции. Изображение же московского герба можно принять весьма условно – фигурка Георгия Победоносца здесь не читается. Техника росписи майоликовых садовых ваз не предусматривала исправления ошибок. Кобальтовая краска наносилась на слой сырой эмали и моментально впитывалась в неё. Избежать ошибок могла только подготовленная рука живописца, которая умело, точно вела рисунок. Возможно, что мастерам, расписывавшим эту вазу, российский герб пришлось изображать впервые.

Среди найденных многочисленных фрагментов ваз не было ни одного с клеймом мастера или хоть каким-либо знаком, дававшим надежду на последующую его расшифровку. Ясно было только, что все вазы происходят из одной довольно крупной мастерской.

По своим стилистическим особенностям они могли быть отнесены не позже чем к первой четверти XVIII века. Но откуда они? Кто мог сделать вазу с российским гербом? Находки были переданы в Эрмитаж. Атрибутировать их сотрудники музея не смогли – аналогий в западноевропейской майолике не было. В России же, как было известно, тонкую майолику (в отличие от грубой майолики, т.е. изразцов) начали изготавливать только в середине 1740-х годов в Москве на первом частном майоликовом заводе А. Гребенщикова, основанном в 1724 году. К тому же изготавливали там только посудные формы. Вопрос оставался открытым.

Так случилось, что археологические находки в Летнем саду имели своё продолжение. Но это уже были находки в архивах: сначала в РГИА в Ленинграде, а затем в Москве в РГАДА. Это редкое и счастливое сочетание двух столь разных областей исторической науки, археологии и архивов, позволило не только узнать любопытную историю о мастерах-керамистах, но и пересмотреть некоторые хронологические положения в истории развития отечественной керамики.

К середине XVIII века Петербург превратился в крупнейший промышленный центр. Огромное количество специалистов было собрано здесь со всей России. Среди прочих мастеровых людей, присутствие которых в Петербурге почиталось необходимым «для общей всероссийского государства народной пользы» были гончары, горшечники, обжигальщики, кирпичники.

Одновременно происходил массовый вызов в Россию иностранных специалистов, неременной обязанностью которых было обучение своему мастерству русских учеников. Обучение у них давало свои плоды. Русские ученики, достигавшие успеха, производились в подмастерья и могли соперничать с иностранными. Заказы на изготовление керамики на европейский манер всё чаще передавались русским гончарам. В этом был виден путь постепенного отказа от услуг приезжих мастеров. Известны слова, сказанные Петром Остерману: «Нам нужна Европа на несколько десятков лет, а потом мы к ней должны повернуться задом».

А пока Европа была нужна, и чтобы ускорить развитие отечественной промышленности, молодых посылали за границу, предупреждая строго взыскать, если не выучатся. Налаженное обучение за границей имело огромное значение и Пётр уделял этому вопросу внимание.

Осень 1716 года. Пётр ожидал прибытия в Петербург группы «недорослей» и «школьников», которым предстояло учиться за границей. Их отбором и доставкой занимался денщик Петра, Степан Шемякин. Письмо Петра к Шемякину: «Как сей указ получишь, то поспешай сюда как возможно скорее и с школьниками, которые с вами. Зело дивно, что так долго мешкаешь». Нетерпение его объяснимо: в декабре должно было состояться второе заграничное путешествие Петра. Ко времени своего пребывания в Европе Пётр запланировал появление здесь русских учеников, обустройством и учёбой которых он собирался заняться лично.

Прибывшие в Петербург ученики должны были отправиться в путь весной 1717 года, когда «море вскроется». Пётр сам выбрал судно, подходящее для этого путешествия - фрегат «Самсон», а в провожатые к «ребятам» рекомендовал дать «доброго человека, который бы их на берегу не растерял, о приезде своем... писал». По распоряжению А.Д. Меншикова перед отъездом каждый получил по пяти червонцев и рублю денег, по паре одинакового платья, по две пары башмаков и чулок, по две рубахи, по два галстука, по шляпе и шапке. А чтобы не терять попусту время в длительном плавании, ребятам предстояло обучаться морскому хождению.

«Школьников» в Голландии ждали. Письмо Петра из Роттердама в Амстердам к русскому комиссару в Голландии Осипу Алексеевичу Соловьёву: «Когда приедут в Голландию... ребята... оных прими и вели их поить и кормить ... пока они делом определятся».

Они прибыли в Амстердам 12 июня и были поставлены на квартиры «по купецким людям». Заранее уже была составлена роспись мастеров,

необходимых для их обучения. Двадцать четыре человека с одобрения Петра были отправлены для учёбы в Англию. Были такие, которые оказались «лишние».

В списке «недорослей» и «школьников» из 66 человек, прибывших в Амстердам, среди прочих значились учащиеся Славяно-греко-латинской академии двух классов: «школы грамматики» Иван Алабин и Ермолай Кранцов и «школы инфимы» Данило Овсянников. Им определено было учиться гончарному делу.

15 августа от имени Петра граф Мусин-Пушкин с проживавшим в Амстердаме итальянским гончарным мастером Карло Антонио Бонавери подписал контракт об обучении русских учеников. Согласно договору он обязывался обучить в течение года московских школьников мастерству – «как делать посуду глиняную».

Через год Бонавери получил положенные ему за учеников 500 венецианских червонцев. А школьников для продолжения обучения гончарному делу далее переправили в «немецкую землю», где они «оной науке в совершенстве обучились».

Наконец, в июле 1719 года они вернулись на родину, в Петербург «ко двору Его Императорского Величества», привезя с собой восемь ящиков с формами для садовых ваз и урн. За отсутствием Петра I в столице, Екатерина лично распорядилась зачислить прибывших молодых специалистов в штат Городовой канцелярии, обеспечить их квартирою, определить жалованьем – по шести рублей в месяц. К возвращению Петра велено им было изготовить «образцы для освидетельствования». Для работы определили их на Кафельный двор Новых Невских кирпичных заводов. В помощники дали шестнадцать человек из «малоумеющих» гончаров. Чрезвычайно важный вопрос – наличие качественной глины для изготовления цветников, тоже был решён. По указу Петра глина в больших количествах закупалась за границей, в частности в Голландии, и доставлялась морем. Цену при этом давали любую. Со временем стали работать с местной глиной, худшего качества.

Через десять месяцев, в мае 1720 года, в Канцелярию городских дел под охраной солдат гончары доставили «нового манеру...крашенные разными красками» 136 цветников и 17 урн. Их лично осмотрел Пётр I, одобрил и распорядился выставить в Гостином дворе на продажу.

О том, как выглядели сосуды, изготовленные мастерами, документы за разные годы рассказывают довольно скупо. Известно, что они были разного размера, что урны в отличие от цветников имели крышки, что иногда они были «грановитые», т.е. с гранёным туловом или горлом, и что покрыты, в основном, «лазоревою», синей, краской, что совпадает с найденными при раскопках фрагментами.

Но в документах за март 1721 года говорится об изготовлении большой урны, «которая будет з гербом». Такая конкретность, в то время как все остальные сосуды просто перечислялись, означала, что этой работе придавалось особое значение. И не вызывает сомнений, что речь идёт об

урне, фрагмент с гербом которой был найден при раскопках в Летнем саду, и что изготовлена она также Алабиным, Овсянниковым и Кранцовым. Появление этой вазы, конечно же, было связано с событиями Северной войны. Март 1721 года – это время, когда русское правительство готовилось во всеоружии встретить предстоящие переговоры со Швецией, доведённой почти до полного экономического краха. Русские вооружённые силы находились в блестящем состоянии. Оставалось несколько месяцев до подписания Ништадтского мира. Надпись на латинском языке «Будем достойны этого герба» под его изображением на урне – красноречивый знак победоносного для России времени.

III

Как складывалась дальше судьба мастеров? Всё шло благополучно, пока они числились «при дворе Его Императорского Величества», пока продукция их шла в Летний сад, частично поступала в свободную продажу. Содержание им было обеспечено. Но у Петра были соображения принципиального характера – вызвать у мастеров охоту к содержанию мануфактур. К тому же существовали денежные трудности, возникавшие при содержании заведённых при дворе предприятий. Всё это подталкивало Петра к передаче их в частные руки. Наибольшее число таких передач приходится на 1720-е годы. Условия передачи для будущих владельцев были выгодными: предприятия обычно передавались на ходу, со всеми сооружениями, инвентарём, материалами, штатом рабочих людей, давались денежные ссуды.

Не миновали такой участи и наши мастера-керамисты. С 1722 года они определены были делать цветники и урны «от себя», «своими работными людьми и коштом» и продавать их «вольною ценою». Они получили в собственности «казенные заводы», т.е. строения с оборудованием, получили ссуду в размере трёхсот рублей «на дело цветников и урн». Двор находилсь «у кирпичного завода за Невским монастырём».

9 мая 1723 года вышел указ Петра, касавшийся всех «школьников» и «недорослей», отправленных в 1717 году на учёбу в Голландию и Англию. Согласно указу все обучавшиеся там какому-либо мастерству, вернувшись на родину, могли находиться на казенном жалованье в течение только двух лет. Затем каждый из них получал деньги для собственного «заводу, дабы кормиться собой и учеников учить». «А на жалованье по двух лет не надеялись» – говорилось далее в указе.

А работа тем временем началась. За год мастера изготовили десятки урн и цветников, которые вновь выставили на продажу в Гостином дворе. Но далее всё стало развиваться по худшему варианту.

Январь 1724 года. Гончары объявили в Канцелярию от строений: цветники и урны «стоят на Гостином дворе и никто не покупает. Отчего не только больше оного заводу содержать не могут, но и сами пришли во всеконечную скудость». 1725 год. В челобитной Екатерине I они уже жалуются на «всеконечное дневной пищи лишение». Прошедшие за границей обуче-

ние мастера становились никому не нужными. Одного из троих, Ермолая Кранцова, так как был он «по латыни искусен», по письму из кабинета ЕИВ отправили к лейб-медику Петра I Л. Блюментросту. Возможно, что именно Ермолай Кранцов и был автором латинской надписи на вазе. Двум оставшимся мастерам тоже помогли. Непроданные вазы и урны по распоряжению из Кабинета ЕИВ разослали по императорским садам в Петергоф, Стрельну, Дубки, Летний сад. Садовникам императорских садов велено было впредь давать гончарам заказы. И они последовали незамедлительно. Вновь полученные двести рублей были употреблены на починку строений и горна и приобретение материалов. Им была отдана новая квартира с большой светлицей, двумя печами живописных «гамбургских» изразцов, стеклянными окнами; сенями и чуланом, крытыми дранью, дощатыми полами. В 1727 году завод и квартира были отданы им «в вечное владение». Но при этом гончары были предупреждены, чтобы впредь ни на какие награждения больше не надеялись, «понеже того учинено довольно». «А когда дело цветников не случится, чтоб старались делать образцы (изразцы – И.С.) печные гамбургские».

Какое-то время Иван Алабин и Данила Овсянников работали вместе. Но в дальнейшем пути их тоже разошлись. Успешнее всех дела шли у Алабина – в документах имя его встречается в течение многих лет. Мы узнаём, что в 1730-е годы он был переведён в Петергофскую гончарную мастерскую, где выполнял много различных заказов. А главное, в 1741 году после многолетних просьб он получил официальное звание «цветникового и урнового дела мастера». В связи с этим Петергофская контора дала ему блестящую характеристику как разностороннему специалисту, «искусному к обжигу голанских и аранжерейных садовых горшков и урнов, також по ним украшениям разными красками», умеющему делать «кирпич, черепицу, печные кафли... и прочее, что принадлежит к гончарной работе». Скорее всего, Алабин был единственным русским гончаром, удостоившимся столь высокого звания.

Карьера Алабина закончилась трагично. Со временем с Петергофской конторой стал назревать конфликт. Причина состояла в упорном нежелании Алабина обучать учеников своему мастерству. Последние, потеряв терпение, пожаловались, что «не токмо красок составлять и обжигать, но и точить не умеют за непоказанием ево, Алабина». Это было недопустимо. В 1749 году Алабин выгнал из мастерской присланного из Петербурга для осмотра его обжигательной печи мастера. За такие «предерзости» был он схвачен и в «ножных железах» доставлен в Петербург. «...За послушание команды, також за пьянство, за кричание караула, за брань и поношение господина Россия... и за протчия лиша мастерского чина написать на полгода на Невские кирпичные заводы в кирпичники и при собрании тамо мастеровых людей учинить ему наказание бить батогами».

По отбытии наказания Алабин «за болезнь и дряхлостью» был от работ отставлен. Так окончилась тридцатилетняя служба пенсионера Петра I, цветникового и урнового дела мастера Ивана Прокофьевича Алабина.

Д. Овсянников, видимо, работал без особых взлётов и падений, оставаясь владельцем завода и квартиры, которые отданы были им обоим в «вечное владение» в 1727 году: на плане города 1754 года на левом берегу Невы показан двор бывшего урнового мастера Д. Овсянникова.

IV

Так, по архивным документам, удалось узнать имена и историю петровских пенсионеров, мастеров гончарного дела; в общих чертах проследить историю производства в Петербурге и его окрестностях довольно специфического вида керамических изделий, садовых ваз – цветников; узнать дату изготовления одной из них, «грановитой» вазы с гербом. Археологические же раскопки познакомили нас с фрагментами их подлинных образцов, относящихся к тонкой майолике, отличающихся высоким качеством исполнения, которые теперь можно считать атрибутированными. Всё вышесказанное позволяет сделать важный вывод: впервые производство тонкой майолики в России было освоено в Петербурге русскими мастерами, получившими профессиональное образование за границей, с использованием сначала привозного, а затем и отечественного сырья. Это произошло на 20 лет раньше начала изготовления тонкой же майолики на известном частном заводе Афанасия Гребенщикова в Москве.

Использованные источники и литература

1. *Коренцевит В.А., Сергеенко И.И.* О майоликовых вазах-цветниках из раскопок Летнего сада и о керамисте петровского времени И.П. Алабине // Памятники культуры: Новые открытия. 1982. Л., 1984.

2. *Голиков И.И.* Дополнения к деяниям Петра Великого. Том 11. М., 1794.

3. Бумаги императора Петра I / Изд. А.Ф. Бычковым. СПб., 1873.

4. Императорский фарфоровый завод / Под ред. Н.Б. фон Вольфа. СПб., 1906. Приложение № 1.

5. РГАДА. Ф. 9, отд. I, оп. 2, ед. хр. 53; Ф. 9, отд. II, кн. 30; Ф. 9, оп. 4, ч. 2, кн. 72, 78;

6. РГИА. Ф. 467, оп. 2, д. 48, ч. 2.